

Яна Лисканова

ЛЕБЕДИНАЯ ПАРА по Ту Сторону

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л63

Лисканова Я.

Л63 Лебединая пара. По Ту Сторону / Я. Лисканова, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 418 с. — (По Ту Сторону).

ISBN 978-5-521-91620-7

Тихея Роттер всегда была в семье гадким утенком, но никогда не готова была с эти смириться.

Ради любви и уважения она готова рискнуть всем и попробовать поймать жуткую нечисть с Той Стороны.

Остается только уповать, что жуткая нечисть пожалеет дуру и пройдет мимо, сделав вид, что не заметила.

Остается только уповать, что у жуткой нечисти нет своего темного интереса...

Любовь к похитителю — следствие одиночества... или порыв души?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91620-7

© Яна Лисканова, текст, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1. Позор семьи Роттер

— Будешь себя плохо вести, злые духи утащат тебя на Ту Сторону!

— Да уж поскорей бы! На Этой скука смертная...

Миссис Грамбл, экономка дома Роттер, схватила кухаркиного сына за ухо. Он зашипел и попытался вывернуться из ее цепкого захвата, но сделал себе только больнее.

— Будешь себя плохо вести, злые духи не утащат на Ту Сторону! — не растерялась женщина.

Первым порывом было подождать, пока они не закончат, чтобы не попадаться на глаза, но я мысленно надавала себе оплеух, напомнила, что это и мой дом тоже, и гордо прошла мимо. Точнее, попыталась...

— Куда опять намылилась, госпожа? — миссис Грамбл, не выпуская мальчишкиного уха, схватила меня за предплечье и дернула на себя.

— Не твое дело! Отпусти и займись дел-лом... — я облизала пересохшие губы.

Ну вот опять. Хорошо же начала! Это даже отдаленно было похоже на властные интонации брата... Вроде бы. Поначалу. Но под насмешливым взглядом

миссис Грамбл, как всегда, сдулась. Экономка усмехнулась противно-понимающе, и я опустила в пол красное от стыда лицо.

— Предупреди отца, — сказала она и толкнула меня в сторону его кабинета.

Я стиснула зубы. Дернулась быстрым движением мимо отцовского кабинета в сторону прихожей, схватила куртку и выбежала скорее из дома. Ну и пусть жалуются отцу! Что от этого изменится?

Сумка со стащенной с кухни едой приятно тяжелила плечо. Я накинула старую кожаную куртку брата сверху и быстрым шагом, едва не срываясь на бег, поторопилась подальше от поместья. Хотелось сорваться с шага, но тогда это еще больше будет похоже на позорное бегство.

В конце концов, я уже отпраздновала совершеннолетие! Я не обязана отчитываться! Брат с сестрой вот не спрашивают разрешение, если им куда-то надо!

— Брат с сестрой гордость отца, а ты — черти что... — пробубнила себе под нос я. — Они полезным заняты, — скривилась я, пародируя миссис Грамбл, — а ты только по полям бегаешь да семью позоришь... Бла-бла-бла, Тихея опять все делает не так! — не то что бы у экономки был такой писклявый голос, но обида вообще слепа и глуха. — А вот Деймос в ее возрасте уже!...

Я дернулась, как от удара.

— Вспомнишь солнышко — вот и лучики... — не удержалась от нервной усмешки.

Не то что бы брата можно было бы назвать солнышком даже в пьяном бреду, конечно. Так что я резко сменила направление и так же резко забыла о том, что бегство — это позорно.

И все же успела заметить, как его губы изогнулись в недоброй улыбке.

— Тихея! — я не остановилась, но он все равно быстро меня нагнал. — Тихея, скажи, а тебе арбалет в руки брать не стыдно? — весело поинтересовался он.

Я молча шла вперед.

Деймос был копией отца — высокий, атлетично сложенный и чернявый, как ночь. Талантливый фехтовальщик, первоклассный стрелок, отличный наездник и охотник. Перечитал всю домашнюю библиотеку и мог ее едва ли ни цитировать благодаря отличной памяти. Красивый и статный, он-то умел поставить на место одним взглядом, а его голос не дрожал, наверное, даже когда он только родился... Его бы миссис Грамбл хватать не посмела даже в детские годы!

Возможно потому, что за такое Деймос и пальцы переломать мог. Даже вскормившей его миссис Грамбл.

Весь он был — не самый молчаливый, но очень даже упрек криворукой, косоглазой и совершенно бес-таланной мне. Если бы у него еще и характер был хороший, я бы точно удавилась от зависти! Но мне на счастье, хотя бы таких достоинств в нашей семье отродясь не водилось.

— Молчишь? — он больно уцепился сильными пальцами за плечо, приобнимая в подобии ласки; я знала, что если покажу, что больно, он вцепится только сильнее. — А чего молчишь, а? Тебя зачем с самого детства всему учат, чтобы ты потом при всем честном народе принципиально в мишень не попадала?!

— Я случайно... — проямлила я, избегая его взгляда. — Деймос, отпусти... пожалуйста? Я т-тороплюсь.

Конечно, он проигнорировал мою просьбу.

— А знаешь, мне уже начинает казаться, что ты специально нас позоришь, — прошипел он мне в лицо все с той же веселой улыбкой. — Мне и раньше было почти неловко признаваться, что ты моя сестра, но после вчерашнего я узнал, что такое настоящий стыд!

Я сглотнула и уставилась под ноги. Надо просто дать ему выговориться. Наверное.

— Ну, новый опыт — это всегда хорошо...

Он насмешливо изогнул бровь и отпустил меня, наконец. Остановился, пропуская, и я выдохнула.

— С тобой бесполезно разговаривать, да? — брат скрестил руки на груди и склонил голову к плечу, рассматривая меня тем самым взглядом, под которым хотелось провалиться сквозь землю еще больше, чем обычно. — Иди, куда шла, Тихея. Даже хорошо, если ты сегодня больше не будешь на глаза попадаться.

И я пошла. Быстрым шагом. Со стороны, конечно, могло показаться, что я бегу, не жалея легких, но это был быстрый шаг.

В чем-то Деймос был прав, конечно. После вчерашнего взять в руки арбалет я смогу еще не скоро. Точнее, висел-то он на спине под наспех накинутой курткой, как и всегда, но стрелять из него я бы пока не решилась. Стоило только об этом подумать, желудок скрутило почти так же сильно, как вчера, и меня едва не стошнило от неловкости. Как вчера.

Хотя лучше бы сегодня, когда никто не видит!

Я ускорила шаг. До границы еще часа полтора топать. Не смотря на конец июня, сегодня было прохладно, и идти было не тяжело. Под небом, скрывая голубизну, равномерно размазалось свинцово-серое, угнетающее своим равнодушием полотно, а ветер за

пару минут успел спутать все волосы и кинуть в лицо дорожной пыли. Дождя, по ощущениям, быть не должно — разве что поморосит.

Через наш то ли маленький город, то ли большой поселок я шла сегодня длинным путем, но зато по самым тихим улочкам, где почти не приходилось игнорировать перешептывания и насмешливые взгляды, притворяясь глухой и слепой.

Я вышла за черту города и давно знакомой, вытоптанной мной же тропинкой пошла в сторону погранзоны в обход одиноко стоящего охранного поселения, состоящего всего из пары домишек. И те были скорее ради приличия, чем представляли какую-либо угрозу, но я все же предпочитала не попадаться им на глаза. Охранять же границу с севера и нужды особой вообще не было.

Уже отсюда за степью был виден Колдовской Лес, раскинувшийся вдоль границ на тысячи километров и отделяющий Эту Сторону от Той. Днем он возвышался угрюмой темной стеной, а к ночи начинал мерцать потусторонними огнями, привораживая в свои заросли самоубийц и идиотов.

Все знали, что заходить в Лес нельзя. Что из него не возвращаются, как ни старайся. Проверено опытным путем. Кто или что в нем живет — неизвестно, и особенно суеверные и нелюбопытные даже к степи перед Лесом стараются не подходить.

Колдовской Лес официальной наукой считается феноменом, появившемся в следствии войн четырехсотлетней давности, по итогу которых чудища с изнанки мира были то ли изгнаны с человеческих земель, то ли запечатаны с Той Стороны. Собственно, что там —

с Той Стороны — никому доподлинно неизвестно. До прошлого десятилетия считалось, что там что-то вроде выжженной магией пустыни, но современная наука допускает появление неизвестных форм жизни. А может даже сохранения старых и позабытых форм жизни, что пугает отнюдь не меньше! Пугает, но и будоражит воображение, конечно. Мне с детства Лес не давал покоя, и я частенько сбегала, чтобы погулять по границе. Иногда даже с мыслями, что уж в этот обязательно зайду в него. Порой такие мысли крутились в голове как решение всех проблем и были рождены детской обидой. Что-то вроде: вот пропаду в Колдовском Лесу, и вы все пожалеете, что не любили меня!

И, к своему стыду, мне до сих пор иногда казалось, что это было бы эффектно и после такого всплакнул бы даже отец. Останавливало меня только то, что на такое представление пришлось бы совсем не эффектно приглашать, иначе никто бы не имел шанса оценить этот отчаянный и драматичный жест!

И однажды я этому любопытству поддалась. Сказать по правде, в тот момент любопытство густо замешалось с обидой и желанием насолить всем своей грустной кончиной.

Это было по-настоящему глупо. В первую очередь потому, что муки совести для членов моей семьи — зверь еще более неведомый, чем твари изнанки. Так что верить, что такой перфоманс мог бы их впечатлить — верх наивности!

Приглашать я никого, разумеется, не стала, но записку оставила. Записку, полную обвинений в сторону близких и разбавленную жалостью к себе. За нее сейчас было стыдно даже сильнее, чем за вчерашнее...

«Предсмертное» письмо нашла сестра и отходила меня ремнем по заднице, когда я вернулась живая и здоровая, а на лбу написала: «Трусиха». Так я и ходила весь вечер и все утро, пока отец не разрешил отмыть. А все потому, что настоящий Роттер, если уж принял решение, то доводит до конца!

Дурацкую записку тринадцатилетней девочки же оформили в рамку под стекло и повесили над кроватью, чтобы не забывала свой позор и не повторяла старых ошибок.

Не помогло!

Позорила я с завидной регулярностью.

Сейчас же я без страха прошла мимо большого камня-указателя в заросли, раздвигая руками ветви.

Пожалуй, тот раз был единственным, когда клеймо «трусиха» я получила совершенно незаслуженно. В Лес я тогда все же зашла.

Хотя, технически, это оказался еще не Лес, а скорее перелесок, скрывающий собой довольно широкую поляну с глубоким ручьем. Но этот перелесок все же выглядел в свете дня как часть Леса, так что, переступая его порог, я искренне верила, что жизнь моя кончена!

Ошибку свою я поняла в тот день только в сумерках, когда магические огни замигали мне угрожающе-приветливо из Леса, обвивая стволы деревьев, но... не тех, через которые я успела пройти. Почему же я не продолжила свой путь вглубь леса, а остановилась на грани, если все равно верила, что уже перешла ее?

В детстве я любила шляться по округе в поисках заброшенных древних храмов языческих богов, коими кишело пограничье. Тогда это казалось мне отличным способом завоевать уважение семьи. Если бы я нашла

какой-нибудь потайной лаз, схрон с картой сокровищ или секретами древнего колдовства, содержащие ответ на вопрос, что находится по Ту Сторону...

Я была нелепа с мечом, с трудом натягивала тетиву, взаимно терпеть не могла лошадей, с трудом запоминала теорию и редко когда могла сосредоточиться на чем-то серьезном. То, что играючи давалось сестре, для меня было мудренее колдовства; что с легкостью осваивал брат за неделю, я не могла выучить за год. И дело было отнюдь не в разнице в возрасте.

С каждым годом взгляд отца становился все тяжелее, а мне все больше хотелось это изменить.

Немного повзрослев, я вынуждена была признать, что совершенно не обладала ни талантами, ни умом, ни сильным характером, коими славилась наследники семьи Роттер многие поколения. Даже находясь в опале, отец всегда серьезно занимался нашим воспитанием, не позволяя расслабляться. Он делал все, чтобы дать нам лучшее воспитание, чтобы нам было за что гордиться своей семьей и своими близкими. Некоторые книги в нашей библиотеке были переписаны им по памяти для нас, а когда-нибудь — и для наших детей и внуков. И именно читая их особенно стыдно было засыпать от скуки, не понимая и половины написанного.

В общем, нормальными способами завоевать уважение у окружающих у меня не получалось, так что я надеялась случайно раскопать какую-нибудь тайну древности! Но, к сожалению, большинство местных развалин были просто-напросто грудой камней, которые и без меня уже давно все облазили.

И когда, пройдя перелесок, я обнаружила потрясающе сохранившиеся развалины языческого храма, то